

Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ.

Изъ Тянь-Тзиня я былъ по требованію нашего посла командированъ въ Пекинъ для обученія посольскихъ казаковъ ружейнымъ артикуламъ и стрѣльбѣ. Изъ Австріи для посольства были выписаны игольчатая ружья, съ которыми никто изъ казаковъ не зналъ, какъ обращаться. Мнѣ пришлось имъ показывать сборку и разборку ружья, а потомъ и пострѣлять съ ними. За время моего пребыванія въ Пекинѣ, я не только пользовался полнымъ комфортомъ хорошей жизни у Влангали, но также приобрѣлъ и его ко мнѣ расположеніе. При посольствѣ въ то время состояли молодые студенты: Ленцъ, Поповъ, Бахметьевъ, Веберъ и Кояндеръ; всѣ они за исключеніемъ умершаго Ленца заняли впоследствии видныя посты по дипломатической службѣ. Время мы проводили въ Пекинѣ довольно разнообразно, при чемъ иногда бывали въ Духовной миссіи на окраинѣ города. Настоятелемъ былъ тамъ тогда архимандритъ Палладій, нынѣ уже покойный. Въ миссіи я близко сошелся съ о. Исайей, который мнѣ показывалъ достопримѣчательности Пекина и окрестности его. Въ общемъ я пробылъ въ Пекинѣ болѣе трехъ недѣль, и казаки прекрасно усвоили себѣ преподанныя имъ мною познанія. Посоль благодарилъ меня и отпустилъ обратно въ Тянь-Тзинь. Эта командировка впоследствии послужила мнѣ на пользу по службѣ.

Въ Ханькоу у насъ произошелъ интересный инцидентъ съ нашимъ напыщеннымъ генеральнымъ консуломъ Скачковымъ. Когда мы пришли на рейдъ, то нашъ командиръ послалъ офицера къ Скачкову спросить, будетъ ли онъ ему дѣлать визитъ, какъ коман-

диру военного судна; на это тотъ отвѣчалъ, что сначала ждетъ къ себѣ командира, такъ какъ онъ самъ, будучи въ чинѣ статскаго совѣтника, считаетъ себя старше Остолопова, который былъ только лейтенантъ. Скачковъ кромѣ того состоялъ еще въ должности генеральнаго консула. Остолоповъ наконецъ уступилъ, чтобъ окончить пререканія, и поѣхалъ первый, но былъ тамъ очень сухъ и даже не сѣлся по приглашенію. При отвѣтномъ визитѣ, Скачковъ вошелъ въ каюту командира въ фуражкѣ, очевидно не считая капитанскаго помѣщенія за комнату; на это онъ получилъ замѣчаніе отъ Остолопова. Затѣмъ, при отъѣздѣ, Скачкову былъ произведенъ салютъ по уставу, но по какой-то роковой случайности въ салютѣ не достало одного выстрѣла, и Скачковъ объ этомъ донесъ посланнику. Посланникъ поставилъ недосмотръ командиру „Горностая“ на видъ и предписалъ ему съ поднятіемъ консульскаго флага Скачкову вторично отсалютовать. Такъ какъ въ первомъ салютѣ не доставало лишь одного выстрѣла, то на лодкѣ и ограничились производствомъ только этого выстрѣла. Этотъ забавный случай позже возбудилъ большую переписку между министерствами морскимъ и иностранныхъ дѣлъ.

Продолжая службу въ Амурской флотиліи, я въ 1872 году попалъ старшимъ офицеромъ на транспортъ „Японецъ“ подъ команду капит.-лейт. Ф. П. Энгельма и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ намъ пришлось зимовать въ Декастри. Зимовка эта была крайне тяжелая, какъ вслѣдствіе очень неудобнаго размѣщенія команды, такъ и изъ-за нехватки провизіи. Ко всему этому случилось, что и зима была суровая. На берегу стоялъ деревянный холодный баракъ, раньше принадлежавшій обанкрутившемуся купцу Э....., который потомъ бѣжалъ въ Америку. Мука, которая была у насъ въ трюмѣ для доставки въ наши южные порты, была, въ виду предстоявшей зимовки, перегружена въ вышеупомянутый баракъ, и когда въ концѣ октября заливъ уже подернуло льдомъ, съ транспорта усмотрѣли на берегу пожаръ. Горѣлъ баракъ съ мукой. Команда наша, съ опасностью для жизни, по доскамъ, положеннымъ на ледъ, перебралась на берегъ, чтобы спасти муку, но отъ огня удалось отстоять только нѣкоторую ея часть—все остальное вмѣстѣ съ баракомъ стало жертвой огня. Морской провизіи не могло хватить на всю зимовку, такъ какъ мы здѣсь застряли случайно, а свѣжей провизіи въ Декастри вовсе не было, да и купить было негдѣ. Все мѣстное населеніе поста состояло изъ 30 чел. сухопутной команды и одного телеграфиста; правда, имѣлась маленькая лавочка въ посту, но въ ней кромѣ дегтя, кнутовъ, гвоздей, нитокъ, ситца и прокисшаго пива, ничего не было. Команда наша почти вся сплошь перехворала цынгой; часть людей помѣщалась на

транспортъ безъ отопленія, а остальные жили на берегу въ старой заброшенной пересыльной тюрьмѣ каторжниковъ, гдѣ также не существовало никакого отопленія. Въ эту зиму у насъ умерло 17 чел. команды и, кромѣ того, въ маѣ на пароходѣ „Америка“, доставившемъ намъ провизію, отъ насъ въ Николаевскъ увезли еще 34 чел. больныхъ, изъ которыхъ едва ли кто-нибудь впоследствии поправился: руки и ноги у нихъ были отъ цынги совершенно скрючены. Офицеры пострадали сравнительно въ легкой степени, такъ какъ они помѣщались въ домѣ съ печами; домъ этотъ принадлежалъ раньше тому же бѣжавшему въ Америку купцу.

Здѣсь я припоминаю непріятный случай, бывший на одномъ изъ судовъ Амурской флотиліи, за который виновный поплатился отрѣшеніемъ отъ командованія судномъ. Дѣло происходило на военномъ транспортѣ, гдѣ перегружали мокрую провизію изъ одного трюма въ другой. Жена командира поднималась по трапу изъ каюты на верхнюю палубу и по своей близорукости и неосторожности прошла такъ неловко, что была слегка задѣта бочкой солонины, спускавшейся на таляхъ въ трюмъ. Она объ этомъ случаѣ тотчасъ пожаловалась своему мужу, а тотъ заподозрилъ нижнихъ чиновъ, что они умышленно ее задѣли. Онъ призвалъ къ себѣ старшаго офицера и справился у него, кто именно изъ унтеръ-офицеровъ завѣдывалъ въ тотъ день перегрузкой у люка. Старшій офицеръ назвалъ фамиліи двухъ наблюдавшихъ за работой—боцмана Мингалева и подшкипера Яузина.

Не входя ни въ какіе дальнѣйшіе разспросы, командиръ приказалъ приготовить розогъ и поставить команду во фронтъ для присутствованія при наказаніи двухъ вышепоименованныхъ лицъ. Тогда старшій офицеръ вполголоса напомнилъ ему, что оба они, пользуясь извѣстными правами по службѣ, по закону изъяты отъ тѣлеснаго наказанія и что если командиръ ихъ накажетъ, то будетъ впоследствии за это отвѣчать по суду. Командиръ побагровѣлъ отъ ярости, при чемъ глаза его налились кровью, и онъ закричалъ: „Извольте исполнять, что вамъ приказываютъ, а не учить меня!“ Названные люди были такимъ образомъ наказаны при собраніи всего экипажа; каждому было дано по 50 ударовъ розогъ. Это были невинныя жертвы дикаго произвола самодура!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого случая, изъ Петербурга приѣзжалъ на транспортъ адъютантъ инспект. Д-та Морск. Министерства Болотниковъ для производства дознанія по этому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ для объявленія командиру, что онъ отрѣшается отъ командованія судномъ. Оказалось, что наказанные обжаловали поступокъ командира морскому министру по телеграфу.

Въ ту же зиму на кластеръ-камскомъ маякѣ въ Декастри случилось еще другое несчастіе: во флигелѣ, гдѣ жилъ смотритель маяка поручикъ Лукинскій, случайно произошелъ пожаръ. Отъ огня взорвались двѣ жестянки со спиртомъ, каждая въ 100 фунтовъ, и Лукинскій, желая потушить огонь и въ попыхахъ спасая разные документы, былъ страшно обожженъ горѣвшимъ спиртомъ. Бѣдняжка до того потерялся отъ ужаса, что съ бумагами побѣжалъ по просѣкѣ черезъ лѣсъ прямо къ маяку; на немъ въ это время горѣло платье; пробѣжавъ такимъ образомъ порядочное пространство, онъ въ изнеможеніи упалъ на землю и отъ боли кричалъ; пальцы, которыми онъ сжималъ казенныя бумаги, обгорѣли до костей, на головѣ сгорѣли всѣ волосы, да и весь онъ снаружи почти обуглился уцѣлѣли только ноги, которыя были обуты въ высокіе сапоги.

Мальчикъ, бывшій у него въ услуженіи, также порядочно пострадалъ отъ огня, но онъ сразу догадался броситься въ кадку съ водой; тѣмъ не менѣе онъ все-таки, какъ и самъ Лукинскій, вскорѣ умеръ въ самыхъ страшныхъ мученіяхъ. Лукинскаго мы для облегченія его страданій сажали въ ванну съ машиннымъ масломъ, но и эта мѣра не спасла его отъ смерти; онъ умеръ черезъ часъ послѣ пожара. Несчастный погибъ при исполненіи своего долга, геройски спасая казенную отчетность, и нигдѣ никто о немъ послѣ не вспомнилъ, такъ же какъ и о тѣхъ, которые въ ту же зиму сложили тамъ свои головы вслѣдствіе цынги. Слѣдовало бы надъ ихъ могилами хоть теперь поставить приличный памятникъ. Да, тяжелое было время! Когда кто-либо видѣлъ смерть честнаго русскаго воина, то можетъ легко понять меня, если скажу, что тяжело и намъ было видѣть эти святые кончаны, тѣмъ болѣе, что мы ничѣмъ не были въ состояніи облегчить страданія несчастныхъ. Уныніе въ командѣ было ужасное, и ничто не могло ободрить ихъ духа; каждый какъ будто ждалъ и своей очереди; въ казармѣ только и слышались тяжелые вздохи и тихія зарѣщанія умирающихъ.

Пусть тѣ, которымъ придется побывать въ Декастри на мѣстѣ ихъ успокоенія, не забудутъ низко поклониться могиламъ этихъ несчастныхъ, сотворивъ надъ ними крестное знаменіе и тихую молитву.

Желая на сколько возможно облегчить страданія больныхъ, я передъ Рождествомъ отправился на собакахъ въ Маріинскъ (городъ на р. Амурѣ), чтобы добыть какія-нибудь медицинскія средства противъ цынги, а также, если можно, то и свѣжей провизіи. Путь мой лежалъ черезъ озеро Кизи, гдѣ я едва не погибъ во время пурги.

Добравшись черезъ сутки до города, я остановился у почтенной старушки Екатерины Ивановны П. (дочери покойнаго московскаго митрополита Иннокентія). Она меня снабдила двумя пудами

лука, четвертной бутылкою скипидара и 5 фунтами кофе; это было все, что она могла удѣлить изъ своихъ скромныхъ запасовъ; кромѣ того, я приговорилъ крестьянъ доставить мнѣ въ Декастри нѣ сколько тушъ мерзлаго мяса. Последнее поспѣло къ мѣсту назначенія послѣ моего возвращенія въ постъ и было доставлено на лошадяхъ съ большими затрудненіями, т. к. дороги вслѣдствіе глубокаго снѣга уже испортились. Въ Маринскѣ я случайно встрѣтился и познакомился въ домѣ Екатерины Ивановны съ мѣстнымъ купцомъ Розенбергомъ, который между прочимъ повѣдалъ мнѣ нѣкоторыя подробности бѣгства изъ Декастри революціонера Бакунина. Розенбергъ, какъ оказалось, лично принималъ участіе въ организаціи этого побѣга склоненіемъ шкипера купеческаго судна принять бѣглаго своимъ пассажиромъ.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Бакунинъ, пожелавъ лично отправить свою корреспонденцію и литературную работу черезъ шкипера барка, стоявшаго на рейдѣ, упросилъ помощника исправника отпустить его на судно, на что тотъ согласился и, въ виду отвѣтственности за него, взялся самъ ему сопровождать на шлюпкѣ.

Когда шлюпка такимъ образомъ уже пристала къ барку, то первымъ изъ нея по штормъ-трапу выходилъ Бакунинъ и согласно заранѣе составленнаго заговора, оборвался и полетѣлъ въ воду; тогда всѣ находившіеся въ шлюпкѣ наклонились къ водѣ, выжидая новаго его появленія на поверхности; Бакунинъ между тѣмъ, какъ прекрасный пловецъ, нырнулъ подъ киль судна и всплылъ на другой сторонѣ барка, гдѣ его успѣли быстро вытащить изъ воды и спрятать въ трюмъ прежде, чѣмъ остальные пассажиры имѣли время выйти на палубу. Само собой разумѣется, что суматоха, происшедшая тогда вслѣдствіе паденія Бакунина въ воду, сосредоточила все вниманіе присутствовавшихъ въ одну точку, и помощникъ исправника былъ такимъ образомъ введенъ въ обманъ и задержанъ на шлюпкѣ, пока преступникъ спасался у противоположнаго борта. Всѣхъ убѣдили, что Бакунинъ, пойдя ко дну, окончательно утонулъ.

Извѣстно, что Бакунинъ, какъ политическій арестантъ, находился въ ссылкѣ въ Николаевскѣ и съ разрѣшенія исправл. должн. начальника штаба кап.-лейт. Афанасьева, былъ передъ этимъ описываемымъ случаемъ уволенъ въ Декастри по его, Бакунина, собственнымъ дѣламъ подъ надзоромъ помощника исправника. Афанасьевъ впоследствии пострадалъ за это по службѣ.

Передъ самой Пасхой, т. е. уже къ концу нашей зимовки, къ маяку теченіями и вѣтрами изъ Анивы принесло къ намъ воен-

ный парусный ботъ „Куегда“. Имъ командовалъ кап.-лейт. Каяндеръ, по происхожденію финнъ, принятый во флотъ изъ вольныхъ шкиперовъ. Ботъ тогда шелъ собственно въ Николаевскъ и его тащило по морю 40 сутокъ, вслѣдствіе того, что у него сломался гикъ, и онъ не могъ изъ-за этого управляться. Придя къ маяку, Каяндеръ подтянулся къ сплошному льду у берега и положилъ якорь на ледъ, но ночью, когда онъ лично съ командой отправился въ постъ, то свѣжимъ вѣтромъ оторвало льдину и понесло вмѣстѣ съ ботомъ и якоремъ въ сѣверный уголь залива. Часовымъ на ботѣ былъ оставленъ одинъ матросъ. Когда Каяндеръ съ противоположнаго берега залива увидѣлъ свой ботъ въ дрейфѣ, то сталъ громко кричать часовому: „Годолышинъ, не кидай свой постъ!“ Нашъ командиръ послалъ тогда меня на барказѣ съ 18 чел. матросовъ осмотрѣть ботъ и, буде возможно, то поставить его прямо; этого однако нельзя было сдѣлать, т. к. бортъ у бота оказался проломаннымъ; тогда я взялъ съ бота матроса Годолышина и, опасаясь быть вынесеннымъ въ море затравшимъ меня льдомъ, долженъ былъ направиться къ берегу, гдѣ съ помощью гиней вытащилъ барказъ на крутой берегъ подъ скалой мыса Алексѣева. Барказъ былъ поставленъ почти вертикально, такъ что на немъ намъ оставаться было не возможно. Мнѣ съ людьми пришлось поэтому въ теченіе почти цѣлыхъ сутокъ просидѣть верхомъ на кустахъ при морозѣ. Люди съ транспорта приходили къ намъ на мысъ съ сухарями и иной провизіей и спускали ихъ намъ на концахъ съ вершины скалы, но вслѣдствіе своеобразнаго выступа или навѣса этой скалы, сухари къ намъ не попадали; они свѣшивались дальше нашего мѣстопробыванія; мы находились тамъ какъ бы въ пещерѣ, надъ которой сверху нависала скала. Команда моя за ночь порядочно перемерзла, огня у насъ не было, и у нѣкоторыхъ пальцы на рукахъ и ногахъ оказались отмороженными; иные даже плакали отъ боли. Мнѣ все время приходилось ихъ подбадривать и не позволять впадать въ дремоту. На второй день вѣтеръ стихъ, и ледъ отливомъ вынесло въ море. Ботъ самъ остановился, а мы снова спустили на воду барказъ и возвратились благополучно на свой транспортъ. Во всей этой исторіи съ Каяндеромъ забавно то, что, попавъ въ Декастри съ ботомъ, онъ послалъ по телеграфу извѣщеніе главному командиру, что со ввѣреннымъ ему ботомъ въ Декастри *прибылъ* благополучно. Вмѣсто слова *прибылъ* было бы приличнѣе въ данномъ случаѣ сказать: *меня принесло*. Ботъ мы весной наскоро починили и лѣтомъ отправили его въ Николаевскъ, а Каяндеръ былъ по суду отрѣшенъ отъ командованія.

Этотъ Каяндеръ или Каяндра, какъ его съ ненавистью назы-

вали матросы, былъ страшно безтолковъ и совсѣмъ не умѣлъ ладить съ нижними чинами. Самъ по себѣ онъ прекрасно зналъ морское дѣло, но былъ какой-то шалый, безъ малѣйшаго такта въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Съ матросами былъ за панибрата, но часто ихъ поколачивалъ; они его не любили и готовы были ему во всякое время насолить. Когда онъ со своей командой шелъ въ постъ (18 верст.) послѣ того, что установилъ свой ботъ у берега, чтобы послать телеграмму о своемъ якобы благополучномъ прибытіи, то всякій разъ, когда онъ въ пути останавливался для того, чтобы развести огонь и согрѣться, люди съ цѣлью досадить ему, такъ ловко разжигали костеръ, что тотъ моментально потухалъ. Подъ конецъ ему и спички его подмочили. Они конечно и сами при этомъ мерзли, но терпѣли; имъ было важно, лишь бы ему досадить. Съ боцманомъ своимъ онъ всегда былъ въ контрахъ и однажды, разсердившись, на него, прогналъ его со шканецъ, сказавъ ему: „ты сюда больше не ходи, тутъ мое мѣсто, а твое мѣсто на бакѣ“. За то и въ другой разъ, когда командиръ какъ-то пришелъ на бакъ и сталъ тамъ шумѣть на кого-то, то боцманъ въ свою очередь ему сказалъ: „Иди, ваше благородіе, къ себѣ на корму, а здѣсь наше мѣсто“.

Въ 1873 году по соображеніямъ высшаго петербургскаго начальства было рѣшено портъ изъ Николаевска перевести во Владивостокъ и, въ виду этого, приказано было транспорту „Японецъ“ заготовить во Владивостокѣ уголь для флотиліи, а „Манджуру“ со своей командой разобрать въ Николаевскѣ механической заводъ и частями перевезти его въ новый портъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, команда транспорта „Манджура“, на который я поступилъ въ должность старшаго офицера, въ маѣ мѣсяцѣ уже приступила къ выполненію вышеуказанной задачи. Всѣ работы по этому дѣлу были командиромъ (кап.-лейт. Валицкимъ) поручены мнѣ. Средства порта были крайне скудны: не было ни подъемныхъ крановъ, ни пристаней, ни баржъ. Единственная старая пристань уже разрушалась и едва-ли могла выдержать большія тяжести, а исправныхъ баржъ было только двѣ и съ такими средствами поневолѣ приходилось перегружать съ берега на транспортъ предметы, которые вѣсомъ доходили до 10 тоннъ. Почва въ городѣ была повсюду рыхлая, такъ что подъ катки и валики надо было подкладывать листы котельнаго желѣза, а многое пришлось тащить и волокомъ. Все это дѣлалось людьми или такъ сказать на людяхъ и безъ всякихъ необходимыхъ облегчительныхъ приспособленій. Къ этому надо прибавить, что ни одинъ человекъ при такой сложной работѣ не получилъ ни малѣйшаго ушиба. Только при подъемѣ большого станка съ ножницами для рѣзанія котельнаго желѣза, сломался фока рей,

вскорѣ однако исправленный помощью крѣпительныхъ шкалъ и бугелей. Этимъ поврежденіемъ осенью воспользовался командиръ транспорта для оправданія себя въ томъ, что не доставилъ на южный Сахалинъ 93 головъ рогатаго скота, когда тамъ въ то время ощущался голодъ. Быковъ онъ сгрузилъ въ Ольгѣ, гдѣ они стали падать вслѣдствіе недостатка корма. Тѣмъ не менѣе, уже передъ самыми заморозками его выручилъ Остолоповъ, командиръ трансп. „Японецъ“. Принявъ во Владивостокѣ 860 ружей съ патронами для линейнаго баталіона, онъ по пути заходилъ въ Ольгу и забралъ тамъ весь оставшійся живой скотъ въ числѣ уже только 65 головъ и спѣшно выбросилъ все на мысѣ Крильонъ. Грузъ онъ тамъ сдалъ смотрителю маяка. Ружья прозимовали на рифѣ и конечно заржавѣли до негодности, а скотъ былъ уже доставленъ сразу въ Аниву самими каторжниками, для которыхъ онъ и предназначался.

Во Владивостокъ былъ тѣмъ временемъ изъ Японіи доставленъ кирпичъ и доски; срубы изготовлялись изъ окрестнаго лѣса, и люди принялись спѣшно строить мастерскія, сараи, казармы и всякаго рода жилия помѣщенія. Къ зимѣ того же года среди портовыхъ мастеровыхъ развились тифъ и цынга, унесшіе нѣсколько человѣкъ въ могилу. Весной изъ Николаевска перевезли весь Амурскій экипажъ, и тогда перенесеніе порта уже считалось законченнымъ.

За недостаткомъ офицерскихъ помѣщеній, многимъ приходилось поселяться въ комнатахъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Одна такая компанія помѣстилась въ небольшомъ деревянномъ домикѣ купца Тупышева, гдѣ заняла въ верхнемъ этажѣ двѣ комнаты, изъ которыхъ одна имѣла перегородку не до потолка. Артель этихъ молодцовъ состояла изъ лейтенантовъ Петер..., Из... и Стр..., штурмана Пет..., доктора Леоп..., и механиковъ Зац... и Ш... При нихъ въ должности вѣстового былъ матросъ Трещеткинъ.

Общежитіе носило названіе клуба Ланцыуцовъ. Частыя пирушки и забавныя похождения членовъ клуба впоследствии надолго прославили ихъ далеко за предѣлами Владивостока. Всѣ они отличались веселымъ, безшабашнымъ своимъ юморомъ и ко всѣмъ ихъ выходкамъ интеллигенція города относилась сочувственно. Изъ множества разныхъ шалостей ихъ приведу здѣсь два случая.

Однажды штурманъ П. предложилъ пари, что никто не тронетъ брошеннаго имъ на улицу серебрянаго доллара и, чтобъ это доказать, сталъ у открытаго окна съ револьверомъ въ рукахъ; какъ только онъ замѣчалъ, что кто-нибудь изъ прохожихъ наклонялся, чтобы взять монету, онъ кричалъ „не тронь!“ и наводилъ на него дуло револьвера. Само собой разумѣется, что пари было имъ такимъ образомъ выиграно. Двое изъ сожителей однажды побранились

и одинъ хотѣлъ другого черезъ перегородку пристрѣлить, но тотъ нисколько не смутился этимъ и бросилъ ему свою резиновую галошу; такимъ образомъ ссора и окончилась при общемъ хохотѣ присутствующихъ. Докторъ Л., страдая какой-то внутреннею болѣзнию, уже въ теченіе нѣсколькихъ дней лежать въ постели и отъ боли стоналъ, какъ вдругъ одинъ изъ соскучавшихся компаньоновъ обратилъ вниманіе остальныхъ на висѣвшій надъ кроватью больного коверъ. Тамъ былъ вытканъ тигръ, спрятавшійся за высокой травой. Юноша предложилъ пустить палъ по травѣ, чтобы сжечь или по крайней мѣрѣ спугнуть тигра. Сказано—сдѣлано: принесли спичекъ, бумаги и спирту и разожгли. Обои и коверъ на стѣнѣ моментально запылали при общемъ хохотѣ присутствовавшихъ и кровать доктора пришлось быстро передвинуть къ противоположной стѣнѣ комнаты. Трещеткинъ тутъ же заливалъ огонь, грозившій общимъ пожаромъ. Механикъ Зац—й часто напивался до безчувствія, и вслѣдствіе этого остальные приказывали Трещеткину бережно его выпроваживать на улицу. Зац—й въ это время обыкновенно успокоительно лепеталъ: „Я и самъ уйду, самъ уйду“, при чемъ начиналъ осторожно спускаться по лѣстницѣ собственными средствами. Частая невоздержность его окончилась однако полнымъ выдвореніемъ его изъ состава „почетнаго“ клуба.

Великій князь Алексѣй Александровичъ въ бытность свою во Владивостокѣ былъ очень заинтересованъ разсказами о походе членовъ клуба Ланцыпуловъ и однажды посѣтилъ клубъ. Онъ много смѣялся, слушая разсказы о забавныхъ и нерѣдко остроумныхъ продѣлкахъ молодыхъ людей, а позже не разъ о нихъ вспоминалъ въ частныхъ бесѣдахъ съ офицерами.

Здѣсь кстати будетъ вспомнить о томъ, какъ великій князь въ Посѣтѣ пожелалъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ командира мѣстнаго баталіона полковника Фингстена и какъ жена этого полковника, привѣтствуя великаго князя на порогѣ своего дома, сказала: „наконецъ-то, Ваше Императорское Высочество, я имѣю счастье видѣть передъ собой настоящаго великаго князя!“—„А какихъ же ненастоящихъ князей видѣли вы на своемъ вѣку?“ спросилъ его высочество.—„Я знаю, на примѣръ, князя Енг—а, мы съ нимъ вмѣстѣ плавали.“—„Вѣроятно на морѣ житейскомъ?“ сказалъ великій князь.

Б. К. де-Ливронъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.